

странному образу в средневековой скульптуре. Скорее всего это Морольф, выступающий в западноевропейских сказаниях нередко в образе дракона.¹⁷

Апокрифические мотивы в скульптуре Дмитриевского собора не ограничиваются образами Китовраса-Морольфа. На северном фасаде есть рельеф, изображающий сидящего на троне человека, перед которым вздыбился барс.¹⁸ Голова персонажа отбита, и сейчас трудно сказать, кто это. Может быть, это Спас-Еммануил; тогда рассматриваемый мотив идет от апокрифического «Сказания о Христе», в котором Еммануилу приписываются такие слова: «Я совершенный муж и надлежит всем диким зверям делаться ручными предо мною».¹⁹ Мы узнаем здесь ту же тему премудрости Соломона, знавшего язык всех зверей. А может быть, это и есть Соломон, о чем позволяет думать свиток в левой руке персонажа.

На западном фасаде собора видим рельеф, ближайшим образом напоминающий апокрифическое «Сказание о Крестном древе»: древо произрастает из головы человека (Адама?), на которую положили свои передние лапы два зверя.²⁰

Как уже говорилось, с «Соломоновой сагой» связаны и такие произведения, как сказания об Александре Македонском, об Акире Премудром и т. п. «В Александрии манила тайна высшего человеческого могущества и величия, бессильных перед смертью, в Соломоне — божественная, всепредвидящая мудрость...».²¹ Любопытно, что в средневековых сказаниях Соломон нередко замещается Александром Македонским, а сам вытесняет в свою очередь Акира Премудрого. Расположение на южном фасаде Дмитриевского собора по соседству с Соломоном Александра Македонского наилучшим образом подтверждает сказанное об интересе Всеволодовых мастеров к «Соломоновой саге».

Труднее доказать их знакомство со стихом о Голубиной книге. Может быть, правильнее говорить не о Голубиной книге, а о тех апокрифах, из которых она сложилась, т. е. о «Вопросах апостола Иоанна к Спасителю на горе Фаворской» и пр. Такие мотивы скульптуры Дмитриевского собора, как заяц в когтях птицы, борьба двух юношей, птица на дереве, бык и т. д., чрезвычайно характерны для апокрифов, вошедших в стих о Голубиной книге. Напомним, что «Сказание о Крестном древе» тоже вошло в Голубиную книгу; участвует в ней и Соломон. Так или иначе, но в основе скульптуры собора и стиха о Голубиной книге лежат родственные литературно-фольклорные источники.

Следует, однако, отметить, что скульптура Дмитриевского собора «фольклорна» не столько своими мотивами, сколько общей интерпретацией темы. Она является прекрасным подтверждением глубокой мысли В. П. Адриановой-Перетц, что «родство подлинно народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности, в оценке событий и лиц».²² Иначе говоря, как «Слово о полку Игореве» или «Повесть о разорении Рязани Батыем»

¹⁷ А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... стр. 142.

¹⁸ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 17, рис. 3.

¹⁹ Вега. Апокрифические сказания о Христе, т. II. СПб., 1912, стр. 103.

²⁰ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 9.

²¹ См. рецензию А. Н. Веселовского на книгу В. Истрина «Александрия русских хронографов» (6. м., 6. г.): Византийский временник, т. 4, вып. 2—3, СПб., 1897, стр. 537.

²² В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 6.